

СВЯТА

Илона Волынская
Кирилл Кашеев

НАСЛЕДНИК МАГНИТНОЙ ГОРЫ

МОСКВА 2011
ЭКСМО

**О ТОМ, ЧТО ДАЖЕ НА ПРАЗДНИКЕ
ГОЛУБОГО ОГНЯ МОЖНО ХОРОШО
ПОВЕСЕЛИТЬСЯ, ЕСЛИ ПОСТАРАТЬСЯ**

— **В**

озможно, вы правы, досточтимый егет¹, и я просто не понимаю современной живописи, – протянула жрица, запрокидывая голову, чтобы при свете многочисленных фонарей разглядеть стену. – Сейчас, конечно, и краски ярче, и техника сложнее... Но на меня большее впечатление производит классическое граффити. Как в пещере Шульген-

Таш: волки, медведи, первобытные охотники... Такая выразительность линий... Примитивизм ваших предков я ставлю выше современного абстрактного искусства! – Жрица еще раз оглядела сияющую свежими, еще даже мажущимися красками стену пещеры и решительно кивнула, тряхнув гривой голубых, как Огонь, волос.

¹ На языке жителей Магнитной горы слово «егет» означает господин, богатырь, воин; «енге» – госпожа.

Могучий бородатый мужик, возвышающийся над тоненькой женщиной, как скальный утес над хрупкой сосенкой, мрачно промолчал. Зато стоящий рядом и чуть позади худощавый бронзовокожий скуластый мальчишка едва заметно скривил губы. Однако в голосе его даже самое опытное ухо не смогло бы уловить ни грана издевки – лишь бесконечную почтительность:

– Слова драгоценной енге жрицы воистину удивительны! Ведь в древних наскальных рисунках совершенно не отражена руководящая и направляющая роль Храма!

Голубоволосая жрица повернула голову, разглядывая центральную часть росписи. Меж вздымающихся кузнечных молотов, полных необузданной силы, меж очерченных несколькими простыми, но выразительными мазками краски наковален и пылающих Синим пламенем печей, вокруг которых, казалось, дрожал от жара раскаленный воздух, меж ковшей, кипящих алым металлом, затерялась выполненная ну в очень абстрактном стиле женская фигура. Ее контуры были изломаны и перекручены, отчего фигура казалась колченогой и горбатой. Оpoznать в ней жрицу Храма можно было только по разводам синей краски вокруг сплюсненной, как от удара молотом, головенки.

– А в современных, значит, отражена, – пробормотала жрица.

Собеседник стрельнул взглядом ей в спину, открыл рот...

– Хакмар! – предостерегающе прошипел бородатый.

Мальчишка тут же старательно-демонстративно сжал губы. Жрица еще некоторое время разглядывала покрывающие стену рисунки, кивая каким-то своим мыслям, потом повернулась и молча зашагала по уходящему в глубь скалы пещерному коридору. Почтительно держась у нее за спиной, мужчина и мальчик последовали за ней.

– Сын, говорящий при посторонних, позорит своего отца, – чуть слышным шепотом выдохнул бородатый мужчина. – Тринадцать Дней уже, а все как маленький!

– Прости, отец, – Хакмар почтительно склонил голову. На губах его играла шкодливая усмешка.

Мужчина длинно вздохнул, словно смиряясь. Мальчишка прикусил губу, чтобы не захихикать, и на всякий случай отвел глаза, рассеянно разглядывая старомодно «надутые» очертания рисунков и надписей на стенах тоннеля. Вот уж «прадедушкина радость», как раз во вкусе жрицы. Тенгри – Высокое Небо, какое же все это старье!

Они ступили на небольшую платформу подъемника, и отец отжал торчащий из стены рычаг. Послышалось журчание перетекающей по желобам воды, и подъемник пополз вверх. Свет надвигался переливчатым сиянием, к которому добавились звуки музыки. Подъемник выплыл из узкого штрека и остановился. Сияние было везде и всюду – язычки Голубого огня, трепещущие в светильниках, отражались в сверкающих призмах льда.

Хакмар подал жрице руку – даже с голубоволосой ведьмой истинный егет не должен забывать

о воспитании! Ледяные колонны – толстые, как стволы деревьев, и тоненькие, будто вязальные спицы, – спускались из-под теряющегося в вышине свода или, наоборот, вырастали из пола, застыв подобно бело-голубым фонтанам. Каскады льда ниспадали вдоль стен и сложным лабиринтом прозрачных скал вздымались по всей пещере. Сосульки звенящей бахромой спускались по воздвигнутым изо льда галереям. С потолка пещеры на длинных витых шнурах свисали гроздья крупных топазов и изумрудов. Мерцание сверкающих граней отражалось в прозрачных глубинах льда. Кое-где взгляд выхватывал искусные – будто созданные природой – вставки малахита и яшмы. Хакмар глубоко вдохнул холодный воздух, наполненный чистым запахом воды. Недаром парадную пещеру Магнитной горы все кланы горных мастеров считают прекраснейшей!

– Да, – задумчиво сказала жрица. – У меня тоже каждый раз, как я это вижу, дыхание перехватывает...

Хакмар кинул на нее раздосадованный взгляд. Эрлик ее заберит, лучше бы она свой Храм нахваливала! Почему-то ему всегда казалось, что похвала ведьмы, будто кипящая слюна змея, может растворить царящую вокруг красоту. И похоже, не только ему!

Все разговоры смолкали при их приближении и возобновлялись, лишь когда жрица в сопровождении Хакмара и его отца неторопливо проходила мимо. На вырезанных во льду уступах стояли золотые и серебряные чаши с хмельной молочной аракой и кисленьким айраном для де-

тей. Вокруг толпились мужчины в расшитых золотой нитью рубахах, с булатными мечами на изукрашенных каменьями узорчатых поясах, и нарядные женщины с самоцветами в косах. При виде приближающейся жрицы непринужденно болтающие и смеющиеся люди немедленно утыкались в свои кубки – Хакмар чувствовал, как их провожают неприязненно-любопытными взглядами. Жрица лавировала между нагромождениями льда, легкими кивками отвечая на поклоны. Среди сверкающих драгоценностями нарядов магнито-горцев ее коротенькая, на одно плечо, белая рубаха казалась чуть ли не бедной, а в распущенных голубых волосах не было вплетено ни единой золотой нитки. Но при этом выглядела жрица так, будто вся гора со всеми ее богатствами и жителями принадлежит лично ей. И Тенгри свидетель – это было почти что так!

Ладно, еще поглядим, кто тут Магнитной горы хозяйка!

Из-за фигурных нагромождений льда слышался дробный звон и перестук, от которого Хакмар начал притопывать каблуками праздничных сафьяновых сапог, подстраиваясь под играющий в крови ритм. Идущая впереди жрица невольно остановилась. Перед небольшим гротом, построенным из ровных прямоугольников цветного льда – изумрудно-зеленого, солнечно-желтого и кроваво-алого, – толпилось больше всего народу. Облаченный в рубаху черной кожи с металлическими заклепками и такие же кожаные портки Миней одухотворенно шарашил обеими ладонями по вырезанным из цель-

ных стволов деревьев барабанам. Рядом – тоже с головы до пят в черном – Катай, раздувая щеки, дул в окованный серебром курай, и терзал единственную струну кубыза Табын.

– Как это? – стараясь перекричать ритмичный грохот, жрица указала на глыбы цветного льда.

– Да очень просто – вода с краской и прямоугольные ящики. Не знаю, почему никто раньше не додумался, – небрежным тоном скрывая гордость, бросил Хакмар – даже неприязнь к жрице не смогла задушить в нем желание похвастаться. – А как вам музыка? Направление называется рок-кубаир!

– «Кубаир» – это, насколько я знаю, героические песни подгорных коневодов? А «рок» на жаргоне мастеров – камень, гора? Значит, горный кубаир? Интересно, – протянула жрица, задумчиво водя у губ пальцем с покрытым голубой эмалью и инкрустированным мелкими сапфирами ногтем. – Что-то вроде тех новомодных настенных рисунков? И в этом тоже отражена руководящая роль Храма?

Миней подхватил шаманскую колотушку и шарахнул в висящий рядом бубен – воздух наполнился гулким звоном. Удовлетворенно кивнув – словно обнаружив, в чем именно проявляется руководящая роль, – жрица зашагала дальше.

– Хак! Хакмар! – прервав особо эффектную дробь, Миней выскочил из-за своих барабанов. Прыгавшие в передних рядах девчонки разочарованно застонали. С высокомерием истинного любимца публики, не обращая на них ни малейшего внимания, Миней кинулся другу наперерез

и сунул колотушку ему под нос. – Слышь, Хак, ошиблись мы, шаманская не шибко годится! Потоньше надо – сделаешь, а?

– Минька, давай это потом обсудим, ладно? – Хакмар торопливо ринулся вдогонку жрице и отцу. Миней, как всегда, кроме своей музыки, ничего не замечает!

Догнать спутников ему удалось только у вышагающей над всей пещерой галереи. Легко ступая босыми ногами по выточенным во льду ступеням, жрица поднялась на увитый ледяными узорами балкон и, не обращая внимания на приветственные поклоны, застыла у сплетенных из толстых сосулк перил. Обе сестры Хакмара отделились от плотной группки почетных гостей и бегом кинулись ему навстречу.

– Хак! Ты Минея к нам пригласишь, Хак?! – возбужденно подпрыгивая и дергая его за локоть, потребовала старшая.

– И Табына с Катаем! Ну, братик, ну, пожалуйста! – моляще прошептала младшая.

Хакмар поглядел на них с веселым изумлением:

– Ну вы и чуды! Или рудничного газа наглотались? Они же с детства в нашей пещере толкутся, вы их всегда терпеть не могли!

– Пхе! – сестра мотнула оплетенными нитками мелких изумрудов золотистыми косами. – Тогда они были просто так себе мальчишки – твои приятели! А сейчас они – у-у-у! – восторженно взыв, девчонки разом закатили глаза.

– Моя дочь тоже без ума от этой новой музыки. – Жена старшего мастера плавильного

цеха отхлебнула из золотой чаши – над губой у нее остались белые кумысные «усы». – А я вот не понимаю! Хотя надо признать, они здорово оживляют праздник. Будет потом о чем поговорить...

– Этот праздник не для оживления, уважаемая... или как у вас говорят – драгоценная енге! И даже не для «поговорить», – голосом более ледяным, чем сама галерея, на которой они стояли, отчеканила жрица. – Он должен принести пользу!

– Конечно, очень полезный праздник! – наивно согласилась молоденькая светловолосая жена старшего рудничного смотрителя. – Куда бы мы иначе новозимние елки выбрасывали? – она указала на уложенную вокруг столба поленницу. Кое-где на высохших иголках трепетали остатки новозимней мишуры. Не замечая побелевшего от гнева лица жрицы, хорошенькая блондиночка повернулась к отцу Хакмара: – Ой, мастер Никтоман, а что за потрясающие игрушки у вас были на елке? Так блестяли! Из чего они?

– Это вот у него спрашивайте, – кивнул отец на Хакмара, бросая настороженный взгляд на напрягшуюся жрицу.

– Всего лишь обыкновенный песок, золотая енге. Если его расплавить, получается хрупкое прозрачное вещество, из которого выдуваются отличные елочные игрушки, – довольно улыбаясь, пробормотал Хакмар. Ну любит он, когда хвалят и восхищаются, ну любит! А кто не любит?

– Ой, Хакмарчик, а нам на следующий Новозим сделаешь такие? Ну пожалуйста, милень-

кий, а то мы до сих пор по старинке – рубины с топазами вешаем!

Жрица едко рассмеялась:

– Вам, мастер Никтоман, следовало назвать наследника не в честь Хакмар-батыра – племянника великого Урала, а в честь его сына – избретательного Нугуша, что научил людей спастись на лодках во время потопа!

– Енге жрица прекрасно знает историю южных гор, – пробормотал отец.

– И хотела бы, чтоб магнито-горцы знали ее не хуже! По крайней мере некоторые моменты, – отрезала жрица. – Быть может, мы, наконец, начнем?

– Ваш Храм – ваш праздник, – облизывая губы, хмуро буркнул в ответ Хакмар. Он вдруг начал сильно нервничать.

Отец снова бросил на него неодобрительный взгляд, но жрица только усмехнулась и плавно взмахнула рукой. Перекрывая даже грохот Минькиных барабанов, под сводом гигантской пещеры протяжно запели рога. Рокот голосов стих, и люди клана Магнитной горы принялись неохотно стягиваться к сложенному из новозимних елок костру. Рога затрубили вновь – из оставленных по обе стороны костра проходов, топоча сапожками, гурьбой выбежали малыши. Выстроились в две шеренги. За ними с неторопливой величавостью выступил облаченный в плащ из белых птичьих перьев шаман. Преисполненная собственной важности малышка выступила вперед и, слегка пришептывая, зачастила, поводя ручонками:

– Высоко над нами – нижнее небо, мирное небо, синее небо, до краев полное Голубым огнем!

– В синем-синем небе звездочки горят! – отпихивая ее в сторону, пронзительно выкрикнул мальчишка Дней четырех. – Пятьдесят пять добрых верхних тенгриев с Неба на людей сквозь дырочки глядят!

Дальше, картинно закрывая мордашки ладошками, будто от страха, малышня принялась тарыхтеть про жуткий Нижний мир, где «живут ужасные, злые тенгрии, на лицо кошмарные, злобные внутри», и про их владыку Эрлик-хана.

– Не иначе как наш шаман все это сам сочинил, – тихо шепнул отцу старший рудничный смотритель. Отец молча усмехнулся в ответ.

Малышня продолжала живописать похождения тенгриев. Сын подземного повелителя Эрлик-хана Хожир – весь в черном – основывает кузницу на восточном крае небес. Но первое кованое железо оказывается слишком хрупким. Заслышав разносящиеся по девяти небесам удары молота, является Божинтой, сын Тенгри – Высокого Неба – Хакмар невольно улыбнулся, узнав под белой маской своего четырехдневного братишку, – и бросает в плавильную печь песок, что дает железу крепость.

Совершивший технологический прорыв Божинтой требует первую кузницу себе в полную собственность. Сын старшего рудничного смотрителя, исполняющий обязанности Хожира, не отдает...

– Отдай!

- Не дам!

- Ты чего пихаешься!

- Сам чего пихаешься! - увлекшись, небесный Божинтой стукнул подземного Хожира кулаком в лоб. Не ожидавший такого оборота Черный Хожир сел на попу и басовито заревел.

Жалобно кривя лицо, его мать, светлокосая жена старшего зрителя, пробормотала:

- А я никогда не понимала, почему это правильно, что Божинтой отнял у Хожира кузницу! Не он же ее строил!

- Молчи, чуда! - опасливо косясь на застывшую в неподвижности жрицу, прошипел ее муж.

Опомнившийся шаман сгреб представителей небес и подземного мира в охапку и уволок в задний ряд. Барышня Дней шести отбарабанила о разделении кузнечного рода на Белых потомков Божинтой, что ковали падающее с небес священное железо, и Черные порождения Хожира, что извлекали железо из темных недр, давая проход злобным нижним духам. Страшные вещи придумывали Черные - мечи и топоры, наконечники стрел и копий, все для уничтожения людей. По публике прокатилось неприятное шевеление - криво усмехаясь, люди поглаживали висящее у поясов оружие.

- И увидала страдания людей Ут, великая сестра Тенгри - Высокого Неба, многоязыкая мать Огня, чей отец - твердая сталь, чья мать - кремень, чей блеск достигает неба и проникает сквозь землю! И заплакала, видя войны и смертоубийства, что несло выкованное Черными оружие! И от сверкающих слез

ее народился на Средней земле Голубой огонь и повелительницы его, достославные и великие жрицы! И сошлись они в смертном бою с черными кузнецами! И победили славные жрицы злобных кузнецов, во имя мира и жизни для всех людей!

– Еще бы им не победить! – почти неслышно, на одном выдохе прошептал кто-то за спиной у Хакмара. – С клинками против Огня много не навоюешь!

– И отступили Черные в глубины и пещеры! Но гнались за ними жрицы, Голубым огнем очищая священные недра гор от скверны Нижнего мира! – вздымая голос и поднимаясь на цыпочки, видно, для большей значимости, возгласил сам шаман. – И с тех пор живут в великих горах Сумэру лишь мирные белые кузнецы, служа своим искусством Храму и всей средней Сивир-земле! – и он склонился перед возвышающейся на галерее жрицей, давая понять, что история его закончена.

Судя по мрачным лицам слушателей, счастливым они такой конец не считали. В толпе слышалось несколько жиденьких хлопков.

Жрица подалась вперед, побелевшими пальцами вцепляясь в ледяные перила. Пронзительный взгляд ее ярко-синих глаз оббежал людей внизу.

– Тысячу Долгих Дней и Ночей назад мои сестры – сестры Храма – здесь, в недрах этой самой горы, настигли последнего черного кузнеца. Последнего из тех, чья сила превращения железа не нисходила сверху, от верхних духов-

тенгриев, а поднималась снизу, из мира мрака, смерти и Рыжего пламени. И умер он, сожженный Голубым огнем, посылая напрасные проклятья и бессильные обещания вернуться! И в эту Ночь, как и в тысячу других до нее, мы сжигаем чучело последнего Черного! Во имя памяти! Во имя того, чтоб каждый День и каждую Ночь своей жизни вы помнили! – Она снова обвела горцев взглядом – теперь в ее голосе звучала явная насмешка. – Вы – белые кузнецы! Ваше дело – служить Храму, преумножая богатства... средней Сивир-земли.

Рога затрубили снова – из-за уступов ледяной скалы выступила ритуальная стража, неся между собой обряженную в балахон из грубой холстины металлическую куклу черного кузнеца. Стража подняла куклу на костер, захлестнула вокруг пояса железные цепи и бегом убралась.

– Пусть умрет он страшной смертью! – пронзительно выкрикнула жрица. – Умрет, как все те, кого погубил своим черным искусством!

Она вскинула руку – и с ее пальцев сорвался шар ослепительно-голубого Огня. Обдавая жаром толпящихся внизу людей, со свистом пронесся над головами и врезался в сложенные елки. Ревущее Голубое пламя охватило подсохшие деревья, взвилось над столбом с прикованной к нему человеческой фигурой. В языках пламени, корчась, заметались полы балахона из грубой холстины. И вот тогда, перекрывая гул бушующего Огня, из глубин костра раздался металлический скрежет – обвисшее на цепях создание медленно подняло голову...

